

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2014" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2014 года.

1 место

[Конкурсное произведение 84. "Человек умирал..."](#)

человек умирал не какой-то шальной человечек
не пылинка какая-то бабочка и черемша
не кривой старичок что в троллейбусе рядом дышал
фитилек на огрызке одной из замызганных свечек
мандельштамовский томик что ты прочитал и не понял
не приятель с которым на Ленина ты выпивал
не сходящая осенью в руки глухая листва
не забытый щенок дескать жаль и котенок и пони
а родной человек вся гармония тяжесть и гамма
для которого в омут на паперть давай-ка по сто
тот который тебе вместо пенного луга цветов
самолетик с сожженным крылом человек оригами
это смерть эта смерть будто в вечность запущено эхо
и не ходит уже человек и лежит и молчит
и в тебе тишина что давай ты ее закричи
и давай и давай будто взял он и просто уехал

будто вытащил два пострадавших в пути чемодана
и адью говорит отлетаю как стая грачей
только вот он лежит а ты рядом живой и ничей
словно город на милость каким-нибудь варварам сданный
человечек родной что мне сделать обнять может чаю
может просто сесть рядом обмякнуть уже зареветь
где ты прячешься свет моей жизни потерянный свет
я за этим кошмаром почти что тебя различаю.

2 место

[Конкурсное произведение 158. "На прикорневом лету"](#)

радость моя, в путанице корней,
пробирающихся из-под земли, как Орфей из ада,
не разбирая дороги, думая всё нежней
о том, что всё-таки надо
бы давно заглянуть к тебе, на прикорневом лету,
с рыночным рюкзаком, под приземлённый ветер,
завиваю себе шаг за шагом да словеса плету,
думая всё нежней о том, как деревья эти
кормятся физраствором подземным, как мать земля
держит их на груди, не даёт им дурной свободы.
пробовать воздух локтем свитера как для
собственного младенчика воду.
видеть, как к кухонному стремящиеся огню
сумеречных прохожих порхают лица
и по привычке к словоплетению на корню
из пролетающих листьев складывать слово «листья».
не забывать под остекленевшей водой витрин
рыночных — мёртвые стёклышки взглядов рыбьих.
переживать вид усыпальницы изрешечённых рыб
на уже бесполезных подводных крыльях.
им не взлететь не всплыть не разбить стекла, так и лежать.
я вам сплела имена из прикорневого ветра,
рыба Led Zeppelin, рыба воздушный шар,
рыба гагарин, рыба ночная ведьма
радость моя! не воспарить на метле, так нырнуть в кабак
сцены твоей, и в полумрачном зале
песенкой отогреться, да наглядеться, как
немолодые вакханки тебя терзают

3 место

[Конкурсное произведение 109. "Секунда над Волгой"](#)

Деревья вырастают в земельную суть.
Под ветром попробуй поблагорассудь! -
Над рядом дворов-дровоколен
Венчается звон колоколен.

Сметая причалы, грызя невода,
Вдоль берега бродит босая вода,
Которая с ночи качала
Волну от судов до подчала.

И ты, занесённый в уездную глушь,
Стоишь, постигая величие луж,
Такой же, как лужи, казённый.
От воздуха вдрызг развезённый.
И мысли, как реки, не чуя буйков,
Стекают в раздол сквозь дымы комельков.

Прибьёшься к пивной, где питейщик-делец
Растит разносолы девичьих телец.
Вильнёшь между ними уклейкой,
Увязнешь на ленточке клейкой...

...
и вдруг просыпаешься, век отлюбя.
осталась минута дожить до себя.
с гримасой отца и провидца,
над ямою ясень троится.

разметка судьбы исчезает с руки.
пытаешься крикнуть. хватаешь портки.
забьёшься, как вошь, на кровати.
и видишь: секунды не хватит.

4 место

[Конкурсное произведение 82. "Простая жизнь"](#)

Простая жизнь. Где крылья за спиной? Засохли и отпали, если были.
Не выход предлагает выходной, а вход в рутину, скуку и бессилье.

Тушила и варила, как всегда. Почистила балконные перила.
Искала шапки – скоро холода, чего-то тёрла, зашивала, мыла.
Домашних собирала у стола – казался каждый наглухо закрытым.
Не то чтоб несчастливой я была, но как цветы дождём, прибитой бытом.
Болтала о погоде и родне, уроки проверяла (со скандалом),
вдруг вспомнила, что хлеба дома нет, и в магазин ближайший побежала.

А ноги сами понесли к реке, к полуживому дряхлому причалу.
Тонули ноги в илистом песке, я этого почти не замечала.
Тем временем вечерняя заря замачивала алые холстины.
Свет растворялся, сумерки творя. Промозгло пахло сыростью и тиной.
Природа приготовилась ко сну, возник и прекратился лай собачий...

Вдруг кто-то словно в сердце подтолкнул и мой привычный взгляд переиначил.
Как будто растворилась пелена меж мной и миром, стало всё яснее.
Казалось, словно я листок в волнах реки моей, качаюсь вместе с нею.
Нет, не листок – берёза на ветру. Нет, целая берёзовая роща!
Я знала, что вовеки не умру, а просто стану чем-то лучшим, бо'льшим.

Кто совершить преображение смог? Растаяла печаль горячим воском.
По пустякам к нам не приходит Бог. Но, может, тень Его, вернее – ответ?...
Две тишины – в сознании и вне. Какая глубже, истинней какая?
Простая жизнь, подаренная мне, пожалуйста, теки, не иссякая!

5 место

[Конкурсное произведение 220. "Не отпустила"](#)

Не отпустила. Грозилась повеситься.
Он остался.
Больше любила, наверно. Был весь в отца.
Первый. Старший.

Батю не помнили фотокарточки.
Спит пехота
где-то под Курском, лежит вповалочку.
Беззаботно.

Здесь – лебеда, трудодни да пахота.
Сон короткий.
Быстро взрослелось в черной рубахе той.
Бесповоротно.

Ближе к земле – проще выжить, казалось бы.
Он и выжил.
Ниже к земле без единой жалобы –
небо ближе.

Небо держалось, скрипело на избах трех.
И устало.
Вкрадчиво, как проступает на камне мох,
ела старость.

В том году засуха выгрызла дочерна
все живое.
Мать отправлял к городской ее дочери.
Под конвоем.

После до света курил под окошками.
Выла псина.
И тишина ртом немым перекошенным
голосила.

Всех поминала, кому не по возрасту
жмет земляца.
И не ослабить тесного ворота.
Не откреститься.

Мать хоронили за тысячу верст. И он
не поехал.
Вязла деревня в осени островом
по застрехи.

Жар ледяной оседал в крови спорами,
белым сором.
Спрашивал землю и небо, скоро ли?
Вышло скоро.

В город свезли против воли. На химию.
Врач в палате
детям сказал: он не помнит имени,
неадекватен.

Все повторяет: откройте ставни, мол,
света мало.
И для чего ты меня оставила
.....

6 место

[Конкурсное произведение 222. "П.О.С.Т."](#)

...и кто-то шепчет "Боже, помоги", когда дрожат под маршем мостовые,
но по реке плывут твои враги - не разобрать, живые, не живые,
плывут, пустые руки разбросав,
и рыбы пляшут в мокрых волосах.

айвенго, не имеющий родства, лишенный и наследья, и наследства -
ну, как твоя дурная голова оправдывает методы и средства?

дрожит во мраке золотая нить,
не в силах никого соединить.

тот, кто желал чужой стране войны, захлебывался ядом, жег глаголом -
смотри, он пересказывает сны и пишет, что повел ребенка в школу.
смотри, он улыбается, смотри.
и хочет встречи.
и поговорить.

к чему кричать, что все вокруг - тюрьма, над зеркалом невидимого тролля?
на город опускается туман, облизывая крыши новостроек.
ползут трамваи, будто острова.
и ты стоишь, не помнящий родства.

7 место

[Конкурсное произведение 126. "Вроде кот"](#)

Коля, а заведи кота.
Заведи его в тёмный угол твой души,
примани его, серого, лаской, и там оставь,
чтобы он постепенно привык и негромко жил.

Эти серые, Коля, – они неспроста коты,
деликатные пифии, мудрые существа.
Вроде живность – ан нет, это твой костыль:
снять с тебя непомерный груз всемогущества.

Вроде муркнет – а ты прислушайся: он поёт,
он поэт, из груди его льётся ажурный звук.
Этим песням завидовать мог бы любой сойот,
этой стройностью мог бы гордиться любой бамбук.

Вроде – кот. Что там, когти, подушечки, шерсть, усы.
Но какая грация, удаль, какой масштаб.
У кого на земле столько смелости и красоты?
Разве только у зеленоглазых и рыжих баб,

пивших зелье. Но кот бескорыстен и не ревнив,
он в постели твоей – не из прихоти. И за так.
Коля, ты ни принцесс не захочешь, ни их огнив,
если рядом пригреется предан, умён, хвостат.

А когда над тобой зашумит на погосте клён,
что останется, знаешь? Останется серый кот.
На могилу потом приходить будет только он.

И сидеть. И стеречь в твою тёмную душу вход.

8 место

[Конкурсное произведение 68. "Белый кро"](#)

За кроликом белым, бегущим в конец строки,
Стремясь, за обрывом рискуешь нырнуть в нору,
Где в дебрях спиральных закружатся огоньки,
И вдруг приземлишься на голову вместо рук.
Там лес все темнее, и крики зверей все злей,
Погас навигатор, и шорох в шуршании трав
Наводит на мысли о тех, кто оставил след
На тонких тропинках, запутавшихся с утра.
И там не прикинешься, будто ослеп-оглох,
Придется припомнить какой-нибудь нужный факт,
С какой стороны на айфон нарастает мох,
И можно ли прямо от солнца ловить вайфай.
Там ветер хрустит шоколадной фольгой луны.
Но, чтоб не пугаться всех надписей "Съешь меня!"
С чеширской улыбкою ставленник тишины
Протянет стакан, и все ложечки зазвенят
Какой-то мотив из колоды забытых карт,
Штабных или винных, игральные просто жгут.
И тут ты проснешься - вокруг пустота, тоска,
И лишь белый кролик печатает на снегу.

9 место

[Конкурсное произведение 279. "Волхвы и Василий"](#)

Когда поёживается земля
Под холодным пледом листвы,
В деревню "Малые тополя",
А может, "Белые соболя",
А может, "Просто-деревню-мля"
Хмуро входят волхвы.

Колодезный ворот набычил шею,
Гремит золотая цепь.
Волхвам не верится, неужели
Вот она - цель?
Косые взгляды косых соседей,
Неожиданно добротный засов,
А вместо указанных в брошюрке медведей
Стаи бродячих псов.

Люди гоняют чифирь и мячик,
Играет условный Лепс.
Волхвы подзывают мальчика: "Мальчик,
Здесь живёт Базилевс?"
И Васька выходит, в тоске и в силе.
Окурочек летит в кусты.
"Долго ж вы шли, - говорит Василий.
Мои руки пусты, - говорит Василий.
Мои мысли просты, - говорит Василий.
На венах моих - кресты."

Волхвы сдирают с даров упаковку,
Шуршит бумага, скрипит спина.
"У нас, - говорят, - двадцать веков, как
Некого распинать.
Что же вы, - говорят, - встречаете лаем.
Знамение, - говорят, - звезда."

А Василий рифмует ту, что вела их:
"Вам, - говорит, - туда."
Василий захлёбывается кашлем,
Сплёвывает трухой,
"Не надо, - шепчет, - лезть в мою кашу
Немытой вашей рукой.
Вы, - говорит, - меня бы спросили,
Хочу ли я с вами - к вам.
Я не верю словам, - говорит Василий.
Я не верю правам, - говорит Василий.
Я не верю волхвам", - говорит Василий
И показывает волхвам:

На широком плече широкого неба
Набиты яркие купола.
Вера, словно краюха хлеба,
Рубится пополам.
Земля с человеком делится обликом,
Тропа в святые - кровава, крива.
А небо на Нерль опускает облаком
Храм Покрова.
Монеткой в грязи серебрится Ладога,
Выбитым зубом летит душа,
А на небе радуга, радуга, радуга,
Смотрите, как хороша!

Волхвы недоуменно пожимают плечами,
Уворачиваются от даров.

Волхвы укоризненно замечают,
Что Василий, видимо, нездоров.
Уходят, вертя в руках Коран,
Кальвина, Берейшит.

Василий наливает стакан,
Но пить не спешит.

Избы сворачиваются в яранги,
Змеем встаёт Москва,

И к Василию спускается ангел,
Крылатый, как X-102:
"Мои приходили? Что приносили?
Брот, так сказать, да вайн?"
"Да иди ты к волхвам, - говорит Василий.
А хочешь в глаз? - говорит Василий.
Давай лучше выпьем", - говорит Василий.
И ангел говорит: "Давай."

10 место

[Конкурсное произведение 151. "Бесогон"](#)

Хозяйка вышивает гобелен. Хозяин на охоту снарядился.

... Собачьи дети девяти колен убиты были, чтобы он родился. Вонючей тиной заросли мешки – в них матери, сыночки их и дони. Им хорошо. Они на дне реки. А он один, в сыром подземном схроне.

Он видит сны про облако и сад, где нет людей, а звери лишь да птицы: там у ворот – его лохматый брат, а на поляне – рыжие сестрицы. Они резвятся весело - увы, его к себе ничуть не ожидая, и только мама смотрит из травы глаза в глаза – такая молодая...

Он слышит, сатанея от тоски: чумазые, в коросте от болячек, ровесники – соседские щенки – гоняют впятером тряпичный мячик, и так им хорошо от суеты и воли, одурительной и сладкой, что даже многомудрые коты на крышах улыбаются украдкой. Он знает, что особенный – его оберегают, как зеницу ока, затем, чтоб никакое колдовство его не изничтожило до срока, не придушила намертво петля, не отравила сорная мучица – вокруг него поставлена земля, и борона ощерилась волчицей. Он понимает, сам себя страшась, и оттого то рыкая, то плача, что с каждым часом всё сильнее связь с необъяснимым чем-то несобачьим, и хочет затаиться и пропасть, и чувствует: как черти в табакерке, чужие зубы заполняют пасть – опасные, стальные, не по мерке.

Не спится. Прокопать бы тайный лаз и убежать – к Макару и телятам. Но чей-то ненавистный жёлтый глаз следит за ним, от самого заката – и, позабыв о том, что глух и нем подлунный мир, бездельник и прокуда, ярчук поёт – от ненависти к тем, из-за кого рождён и жив покуда.

